

Перспективы российского Севера: сельские сообщества

Н.Е. ПОКРОВСКИЙ

В статье рассматриваются процессы модернизации, происходящие в сельских районах российского Севера. Несмотря на демографический кризис и видимое умирание всяческой хозяйственной деятельности в деревнях и поселках, социологи, экономисты и социальные географы отмечают возникновение нового уклада, связанного с так называемой «очаговой экономикой», — прямого следствия проникновения глобализационных процессов в эти регионы. Возрастает географическая мобильность населения (во многом вынужденная в данных условиях), повсеместно увеличивают свое присутствие информационные технологии (мобильная связь, цифровое спутниковое телевидение, Интернет), все шире развивается сервисная экономика, создающая экономические очаги вокруг доходоприносящих центров экологического туризма, производства чистой экологической продукции, современных форм рекреации. Все это в комплексе создает противоречивую и контрастную картину конфликта и взаимодействия различных тенденций на огромных и чрезвычайно перспективных территориях.

Экономический и социально-демографический кризис в сельском хозяйстве негативно сказывается на социальной и экологической устойчивости развития сельских сообществ, ущемляет интересы будущих поколений. Так, краткосрочные интересы выживания сельских жителей приводят к деградации окружающей среды. Это выражается в росте браконьерства, незаконных охоте, рыболовстве, вырубках леса, во многих местах сверх допустимого уровня возрастает сбор грибов, ягод, лекарственных растений, что в целом приводит к деградации многих локальных экосистем, уменьшению биоразнообразия. Существуют ли ненасильственные, не требующие очередных радикальных «декретов» способы разомкнуть порочный круговорот деревенской патриархальщины с ее неисчислимыми негативными чертами и мягко, но бесповоротно инициировать процесс фундаментальной демократизации села в контексте гражданского общества? При всей сложности транзитивного состояния России наших дней, страна все больше и больше включается в общемировые процессы постиндустриализации. *В этом смысле можно предполагать, что «транзит» сложно и противоречиво развивается все же в направлении глобального сообщества, а не по иному вектору.* Подчас это происходит скрыто, неявно. Но этот процесс необратим. И, как это ни странно на первый взгляд, казалось бы, наиболее экономически, политически и культурно отсталая часть нашего общества — сельское население — по-своему воспроизводит новые глобальные матрицы и реагирует на постиндустриальные тенденции. Одно из проявлений постиндустриальных матриц в российском обществе

можно увидеть в возникновении на селе новых сельско-городских сообществ («агрегаций»). В наши дни достаточно многочисленные социальные группы жителей больших индустриальных городов приобретают на правах личной собственности дома и наделы земли в отдаленных селах и деревнях. На поверхности этот процесс представляется в виде вынужденного шага со стороны тех горожан, которые не могут обеспечить себя и свои семьи средствами для полноценного и современно организованного отдыха (туризма, санаторного лечения и т. д.), хотя субъективно аргументация новых явлений «деревенщиков» может быть и иной. В ряде отнюдь не единичных случаев первоначально присутствующая сугубо рекреационная мотивация горожан перерастает в нечто большее, а именно в фундаментальный и постоянный интерес к жизни села, к ведению хозяйства, к экономической, политической и культурной модернизации сельских сообществ. Городская культура позволяет горожанам видеть огромные нереализованные возможности села во всех сферах жизни. (При этом следует отметить, что фактическое окончание процесса перераспределения собственности в городах существенно сузило горизонт самореализации для тех горожан, которые не «вписались» в этот процесс первоначального накопления капитала. Деревня же по-прежнему в значительной степени открыта для приватизации.) Сельские жители, находясь в состоянии долговременной социальной и психологической депрессии, также осознают, что своими силами им не остановить процесс обвальной деградации и умирания села. И это действительно так. *Здесь смыкаются два процесса, два согласованных интереса, и возникает глубинная органическая интеракция, которая в состоянии создать — и уже стихийно создает — некие новые социальные структуры — сельско-городские (пока что незримые и нередко нераспознаваемые) сообщества.*

Сельская Россия? Север Нечерноземья? В сознании современных обществоведов эти понятия подчас окружены ореолом неизвестности. Часто мы лучше разбираемся в нюансах экономики и политики Западной Европы и США (а теперь и Китая), чем в состоянии собственной страны, начинающейся за концентрической полосой коттеджной застройки, сдавливающей мегаполисы. Вывод: мы мало и плохо знаем страну, в которой живем. Пламенно рассуждая о настоящем и будущем России, мы нередко опираемся на поверхностные представления и чисто мифологические конструкции, не имеющие отношения к научным исследованиям. Можно сказать, что в массовом сознании стихийная истина сердца начинает преобладать над рациональной истиной ума. И жаль, ибо это серьезно осложняет нашу жизнь в самых различных ее ипостасях.

Один из стереотипов нашего восприятия поступательного развития экономики и социальной структуры состоит в том, что различные формы экономической деятельности и формирующаяся социальная структура должны захватывать все большие *пространства*, насыщая их хозяйственной деятельностью и разрастающимися поселениями. Иными словами, экономика и социальная структура призваны расти экстенсивно — всего должно быть больше, по известному принципу *«big is beautiful»*. В этом нередко видится чуть ли не универсальный признак здоровья общества. Но будет ли это верным применительно к современному Северу России?

Наше восприятие северных районов России сформировалось исходя из традиционных характеристик. Развитие экономики и поселений, особенно в годы советской власти, привело к освоению огромных территорий и насыщению их экономической деятельностью, прежде всего сельским хозяйством. Колхозы и совхозы-гиганты распахивали огромные территории и увеличивали, не взирая на затраты, производство

мясомолочной продукции. Леспромхозы вгрызались в лесные просторы, наполняя пространство лесовывозными дорогами и пилорамами. К ним подтягивалась и инфраструктура в виде разрастающихся поселений, учреждений культуры, здравоохранения, торговли и проч.

Уход с арены социалистического планового хозяйства перевернул всю картину Севера, что становится особенно очевидным в наши дни.

Изучению этих и многих других вопросов посвящены многолетние исследования, проводимые группой ученых-обществоведов, представляющих различные дисциплины и университеты России и объединенные грантами Российского фонда фундаментальных исследований¹.

Проблематизация

Отныне все формы хозяйственной деятельности в сельской России практически полностью помещены в контекст их себестоимости и соответствующей востребованности на российском и международном рынках. По инерции хозяйства Севера все еще производят сельскохозяйственную и иную традиционную продукцию, которая либо слишком затратна (и потому неконкурентоспособна), либо не имеет прямого спроса на рынке. Поэтому крупные и средние сельскохозяйственные и некоторые лесопромышленные предприятия уходят с таких территорий. Без их привычной помощи свертывают свою сельскохозяйственную деятельность и домохозяйства. Эти явления в экономике потянули за собой не только цепочку различных социальных кризисов: в миграции, народонаселении, культуре, поселениях и т. д., но и сильные изменения в землепользовании, неадекватно отражаемые статистикой. Экономическое неблагополучие привело к тому, что природные ресурсы становятся чуть ли не единственным источником выживания населения. Фактически возникает эпическая картина ухода с северных территорий России самой цивилизации и возникновения обвальной ремиссии природной среды в ее мутирующих формах. Социальное пространство российского Севера сжимается. Оно уступает место пространству природному.

Этими и многими другими вопросами современного состояния северных регионов России озаботились члены междисциплинарной исследовательской группы, объединившиеся в рамках ряда последовательных грантов РФФИ. Был выбран регион для исследований — Мантуровский район Костромской области — настоящая русская глубинка. В группу вошли известные социологи, экономисты, психологи, географы, специалисты по управлению, государственные руководители, представители телевидения². Подавляющее большинство участников исследования — городские

¹ 03-06-80422-а Тенденции «клеточной» глобализации в сельских сообществах современной России: теоретические и прикладные аспекты, 2003–2005 гг.; 06-06-80538-а Глобализационная трансформация российского Севера: перспективы «очаговой» экономики и социальной структуры, 2006–2008 гг.

² Состав группы: Покровский Никита Евгеньевич — руководитель проекта (общее руководство исследованием, разработка теоретического концепта «очаговой» социальной структуры и ее глобализационных матриц); Громов Александр Николаевич — глава администрации Мантуровского района Костромской области (координация исследования на районном уровне, корреляция исследования с реальными условиями местной экономики, пропаганда промежуточных и окончательных итогов исследования); Бобылев Сергей Николаевич — доктор экономических наук, профессор экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (исследование и разработка новых форм экономически выгодной природоохранной деятельности в регионе исследований); Петренко Виктор Федорович — член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (исследование психосемантических коррелятов обще-

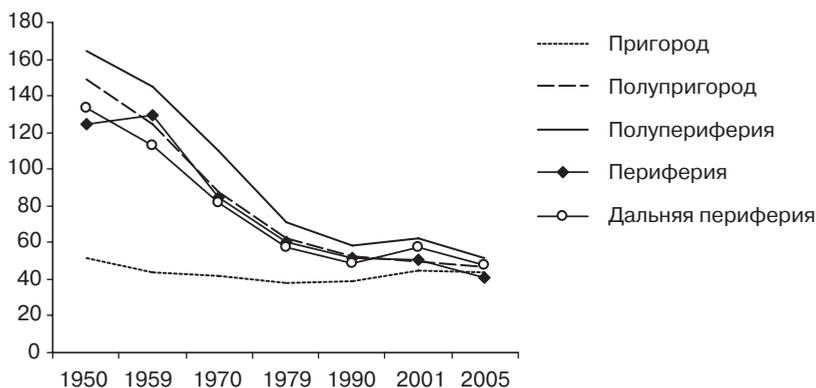

Рис. 1. Численность сельского населения Костромской области по мере удаления от Костромы с 1950 по 2005 г., тыс. человек³

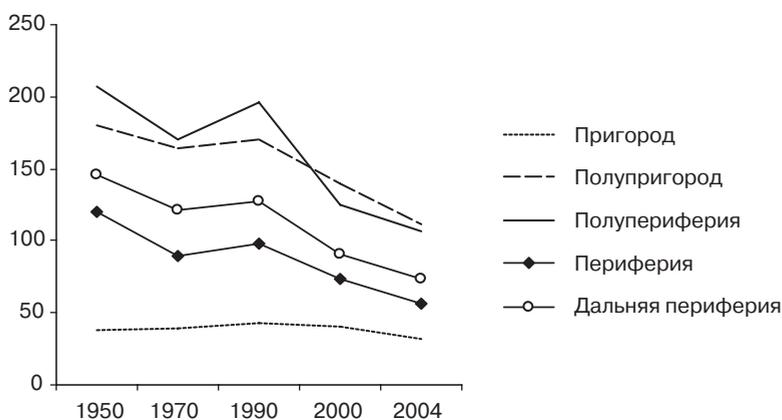

Рис. 2. Посевная площадь Костромской области по мере удаления от Костромы с 1950 по 2004 г., тыс. га⁴

жители, представляющие Москву, Санкт-Петербург, Саратов. Но они представляют ту часть городских специалистов-интеллектуалов, которые, в отличие от многих других, осознают важность и ценность сельской России и в теоретическом (геополитическом) плане, и в повседневном, житейском. Более того, рассуждая о нынешних и будущих путях развития сельских сообществ на севере России, участники гранта

ственного мнения и сознания участников «очаговой» экономической деятельности); Нефедова Татьяна Григорьевна — доктор географических наук, институт географии РАН (взаимодействие разных укладов хозяйственной деятельности в очагах новой экономической активности при изменении природной среды и характера используемых ресурсов); Иванов Владимир Никитич — кинооператор и фотохудожник, член Союза кинематографистов РФ, главный оператор телеканала «ТВЦ» (проведение исследований с применением методики визуальной социологии, подготовка кинофото документов); Виноградский Валерий Георгиевич — доктор философских наук, профессор Саратовского государственного университета, известный специалист по качественным методам исследования сельского населения.

³ Данные профессора Т.Г. Нефедовой (см. [Российский северный вектор 2006]).

⁴ Там же.

постоянно заземляют свой дискурс, предлагая практические решения практических задач.

Местная специфика. Дорога

Дорога из Москвы до Мантурово Костромской области — неблизкий путь. Конечно, можно доехать ночным поездом по Транссибу прямо с Ярославского вокзала. Но по шоссейной трассе Москва — Ярославль — Кострома (далее она идет на Пермь и Екатеринбург) гораздо интереснее. Это ровно 600 километров. Экспедиционный УАЗ справляется с дистанцией за 8–9–10 часов в зависимости от своего настроения и настроения водителя.

От Москвы до Костромы дорога — чистая суета, хотя и считается «золотым кольцом» России. Ничего в ней нет интересного. По сторонам одни трактиры и стойбища для дальнобойщиков. Случаются, конечно, жемчужины русской культуры и истории. Например, Ростов Великий, Переяславль Залесский. Но добраться до них не просто. И недосуг. Они остаются в стороне. Живут своей жизнью.

После Костромы начинается настоящая Россия, не для туристов, преддверие Севера. Деревни по сторонам случаются нечасто. Стеной подходит к обочине дороги стена мрачноватого елового леса. Если здесь что-нибудь случится с машиной, то помощи ждать не стоит. Зимой любая машина при остановившемся двигателе выстуживается за 15 минут. Остается только жечь костер.

Движение на дороге незначительное, особенно после захода солнца. Редкие деревни, хотя и считающиеся по-прежнему живыми, но, по сути, почти необитаемы. Разве что то над одним, то над другим домом громоздится тарелка спутникового телевидения. А рядом разбитые избы с провалившимися крышами и разбитыми окнами. И разумеется, с восхитительной методичностью через определенное число километров высятся аккуратные вышки то ли «Билайна», то ли «МТС». А скорее всего, и того и другого. С этим товаром в Костромской области проблем нет.

Еще задолго до Мантурово возникает одна и та же мысль. Почти навязчивая. Какие безграничные просторы, сколько всего тут природного, неосвоенного, правда, частично уже испорченного, но, к счастью, не до конца. Признаков восстановления пока нет и не предвидится. Все тихо, умиротворенно-безжизненно. Воистину сказано: над вечным покоем.

Многое, конечно, зависит от времени года.

Ноябрь, декабрь вплоть до самого марта дорога может довести до полной депрессии. Мрачные сумерки опускаются уже в четыре часа. Власть тьмы неотвратимо наступает. Тема безысходности. Точно, как в какой-нибудь позднеромантической симфонии.

Но если случится оказаться на трассе в самом начале июня и непременно на самом рассвете, на зыбком рубеже ночи и утра, то это уже совсем иная песня.

Клубятся туманом поймы речушек и ручейков, бегущих в Унжу, приток Волги. Туман забирает деревеньки, поглощает крыши домов, заборы, разрушенные фермы. И вокруг, повсюду, синие волны миллионов цветущих люпинусов. Они всюду, они струящимися коврами уходят к горизонтам. Тогда приходит иная навязчивая мысль. Быть может, земная жизнь уже закончилась, и все это есть начало нового существования. Ибо трудно найти другое объяснение тому, что видишь и чувствуешь.

Но вот, другой десяток километров и люпинусы отступают, солнце поднимается, туман исчезает. И мы вновь на земле, в этом мире.

Матрица клеточной глобализации

Как ни странно, но новое состояние российского общества более или менее сбалансировано и, более того, поддерживается широкими структурами мировой глобализации, казалось бы, столь далекими от нас. Иными словами, весь мир развивается по схожим схемам, но со своими вариациями. В этом смысле Россия не исключение, а лишь инвариант общего состояния мирового сообщества.

В России наблюдаются не замедленные процессы адаптации к общемировым изменениям, но, напротив, в силу значительной ослабленности социальной структуры российского общества активно реализует себя большинство глобалистических тенденций в их яркой «гибридной» форме. В этом смысле российское общество в большей степени, чем достаточно стабильные западные общества, подвержено влиянию этих тенденций и выступает в качестве своеобразного «испытательного полигона», на котором апробируют себя те тенденции, которые лишь в будущем полностью проявятся в глобальном формате. Причем многие явно традиционно «нехорошие» и ненормативные процессы получают совершенно иную окраску в системе новых глобалистических координат.

Дж. Ритцер, автор теории «макдональдизации», лапидарно формулирует рационалистическую модель глобализованного общества в виде следующего набора признаков:

- efficiency (эффективность, прежде всего экономическая);
- calculability (просчитываемость в рамках простых или сложных количественных моделей);
- predictability (предсказуемость, «ожидаемость»);
- control through Non-Human Technologies (управление посредством технологий без участия человека).

При этом происходит создание как бы новой рациональной системы, которая выступает в виде антипода старой системы рациональности, связанной с традиционной культурой.

Мир XXI в. рисовался многим социологам и журналистам таинственным и неизведанным, дарующим перспективы, которых был лишен век прошлый. По сути, новое столетие, эпоха «посткапитализма» предстает обыденной и даже вульгарной, но внутренне целостной. И в этой исторической целостности заключается ее неизбежность. Постмодернистский хаос фрагментарных осколков смыслов и логических схем обретает несколько примитивную упорядоченность, навязывающую себя всем современным сообществам под именем глобализации. Попытаться избежать ее так же бессмысленно, как в свое время было бессмысленно избежать капитализма (даже если его и называли социализмом).

Каковы же общие свойства компонентов глобализации с точки зрения содержащихся в них социальных матриц?

Всеохватность и комплексность изменений. Прежде всего, теория глобализации подчеркивает, что главный акцент должен быть сделан не на рассмотрении отдельных «траекторий» социальных изменений в тех или иных сферах, а на взаимодей-

ствии этих изменений друг с другом, их переплетении и взаимозависимости. Это подразумевает рост интереса социологов к пространственно-географическим параметрам социальных изменений, их глобальному охвату. Процесс изменений проникает во все микроструктуры общества (семья, малые сообщества, повседневность) и разгерметизирует прежде закрытые социальные образования. Быть замкнутым на себя и скрытым от внешнего мира сегодня означает закрыть свое собственное будущее. Любые формы социальной динамики связаны прежде всего с открытостью систем, образующих сетевые структуры общения, поддержки и социального контроля. Характер социальных изменений влечет за собой и изменение восприятия социального времени. Отныне траектория социального времени раскладывается на серию отрезков, каждому из которых соответствует отдельный жизненный «проект», достаточно краткосрочный. После окончания очередного проекта возникает новый, часто радикально меняющий ориентацию траектории развития. Подобная краткосрочная актуальность социальных практик пронизывает все уровни социальной структуры. Даже такие традиционные институты, как, например, семья, превращаются на наших глазах в экспериментальный проект для вовлеченных сторон. Все начинает носить временный характер и требует от субъектов большой и специфической динамики «вписывания» в эту краткосрочность.

Противопоставление глобального и локального. Другой аспект глобализации основывается на рассмотрении тесной связи макро- и микроуровней происходящих изменений. Важной особенностью глобализации становится то, что она проникает в самые глубины социальных структур, превращая их в носителей новых смыслов. Это касается таких «локальных» ценностей, как традиции, обычаи, привычки, местные сообщества и др. Новые глобальные реалии радикально видоизменяют даже наиболее консервативные и устойчивые структуры социального сознания и поведения. При этом процесс «отказа» от «старого» идет быстро, решительно, зримо. Причем всякое «новое» обладает, по мнению сторонников этой теории, заведомым преимуществом, поскольку оно «глобальное». Из этого, в принципе, следует, что это «глобальное» приобретает статус высшей нормативной ценности. Социальным институтам локального уровня отныне уже нет необходимости проходить всю вертикальную иерархию, дабы выйти на общемировой уровень. Семья, малые группы, местные организации, локальные движения и институты глобализируются прямым и непосредственным образом именно на своем уровне, демонстрируя новые формы участия в глобальных феноменах. На первый взгляд, парадоксальным в этой ситуации выглядит то, что локальные структуры могут сохранить себя только в том случае, если они начинают образовывать сетевые связи, имеющие тенденцию к глобализации на своем уровне. Значение вертикальных иерархий резко снижается. Информация, финансирование, помощь приходят по сетям с горизонтальных уровней, а не «сверху». Все уровни при этом дистанцируются друг от друга и живут самостоятельной и самодостаточной жизнью. Разочарование электората в макрополитике — хорошая иллюстрация этого тезиса. Аналогичные процессы роста взаимного равнодушия между горизонтальными уровнями где бы то ни было распространены повсеместно и отражают развивающуюся тенденцию.

Множественность гибридов в области культуры. Теория глобализации радикально меняет наше представление о культуре, которая прежде рассматривалась по преимуществу как нечто либо наследуемое, либо спускаемое «сверху» и «распространяемое». В новых условиях культура становится результирующей бурного процесса «кон-

фликтности» (*politicized contestation*). Это приводит к возникновению разнообразных глобальных и локальных «социокультурных гибридов», с присущим им весьма коротким периодом полураспада, нестабильностью, несоответствием традиционному контексту.

Примордиальные (базовые) факторы и гражданское общество. Своеобразный поворот получает и тема «гражданского общества» в связи с приложением к ней теории глобализации. Процесс интернализации ценностей и ценностных ориентаций приводит к тому, что регулятивно-нормативная функция общества существенно видоизменяется, а прежде подавлявшиеся гражданским обществом и не социализировавшиеся «примордиальные» (*primordial*) феномены, близкие по своему характеру к фрейдовскому *Id* и мидовскому *I* и проявляющие себя в контексте этнического начала, расы, пола, занимают все более важное положение в глобализационных процессах и институтах. Мозаичный набор социальных «типов» и моделей, отсутствие единых принципов рационализации, свобода обращения с примордиальными феноменами — все это создает глобалистско-постмодернистскую картину социального мира.

Новая концепция рациональности. Новые глобальные процессы заставляют изменять и прежнюю концепцию рациональности, сформировавшуюся в рамках «современного общества», приводя ее в соответствие с «постсовременным обществом», порождаемым глобализацией. Поскольку глобализация представляет собой нормативно-теоретическую парадигму, то она и вырабатывает модели новой рациональности. При этом рациональность в глобальном смысле понимается прежде всего как свобода самовыражения многообразия, что и находит свое частное проявление в «теории мультикультурализма» (*multi-culturalism*), согласно которой при рассмотрении культурной «карты» той или иной региональной или профессиональной группы должен доминировать принцип полной мозаичности.

Современная картина. Социологические наблюдения

Что сказать о мантуровском бытии в Костромской области? Как оно, это бытие, глобализируется, если глобализируется вообще?

Мантуровский район — это зона сплошной социальной катастрофы, депрессивной экономики и всех неизбежных ее спутников. Природная среда медленно, да и не очень медленно отвоевывает у цивилизации все, прежде этой цивилизацией завоеванное. Деревни на глазах пустеют (закрываются по 6–10 домов за год), срубы еще несколько лет стоят, а потом сгнивают на корню. Сельские дороги и поля зарастают кустарником, не превращаясь при этом в полноценные леса, а мутируя в особую вида растительность, по большому счету бесполезную. Лесоповал постепенно уходит — все уже выпилили, осталась мелочь. Жители кормятся ягодным промыслом и браконьерством. Добраться до райцентра практически невозможно. Расстояние в 30 километров превращается в непреодолимое. Местная автобусная сеть почти перестала существовать, а дальнобойные маршрутные «икарусы» не всякого возьмут, а если и возьмут, то по цене разденут.

Так люди и живут. И что же?

Взять хотя бы эту самую трассу, идущую из Костромы в Мантурово, а потом в Пермь и далее. По ней в основном движутся две категории автосредств: длиннейшие фуры с импортными логотипами на тентах и частные машины. Притом не «жигули» и «москвичи», как можно было бы предположить, а новенькие джипы «БМВ» и

«мерседесы». Иногда попадется джип с прицепом, на котором два (не один!) водных мотоцикла — благо, что рядом прекраснейшая река Унжа, приток Волги.

Куда направляются эти пелетоны? Что везут? Кому принадлежат?

Что касается фур, то они везут товар в основном не из области, а как раз в область. Продукты, строительный материал, ширпотреб. И это в депрессивный, дотационный регион, где нет наличности и все вроде бы обращено лицом к небытию? Парадокс, между тем, состоит в том, что мантуровский народ хоть и депрессивный, но, с другой стороны, хорошо покупающий.

«Мерседесы» и «БМВ», в отличие от фур, принадлежат местным. Кто в райцентре живет, а кто и на селе пооткрывал магазинчики, занялся скупкой мяса, приспособил пилорамы для коммерческих целей. И тут уж покупает сверхдорогую иномарку. Это самое первое дело. И пусть она калечится на ухабах (местные и городские дороги по-прежнему отнюдь не европейские), но символ и есть символ. Престижное потребление пробивает себе дорогу во всех ситуациях.

Само Мантурово, узловая станция с 20-тысячным населением на Транссибе, по статистике безысходное место, с упавшей экономикой и сплошной безработицей, с внешней стороны статистической картине не соответствует.

Всюду по району повыврастали мачты сотовой связи «МТС», а с ними и бесконечное число киосков, где можно обзавестись самими телефонами и телефонными картами. Слово каждый житель Мантурово только и мечтает о насущной покупке телефона или повышении его классности. И тут же город украсился на всех углах призывной рекламой 4×6 с энергичной дивчиной, приглашающей приобрести мобильный телефон.

Открылся неплохой компьютерный магазин с набором всех необходимых железяк и аксессуаров. Народ туда в очередь не выстраивается, но бизнес идет, клиентура растет. На городском узле связи за 30 минут вам оформят доступ в Интернет через местный сервер и откроют персональный почтовый ящик. Ребята в интернетовском отделе симпатичные. Улыбчивые, динамичные, ориентированные на сервис. Хотя и московский ITишный синдром наблюдается. Молодые люди формально *здесь*, но фактически не *здесь*, а *там* — в киберпространстве. Их реакции на простые слова и действия идут с задержкой, все же нас отделяют несколько световых лет. Не так ли?

Многие деревни телефонизировали, поставили цифровые коммутаторы, заложили в траншеи десятки километров экранированного кабеля. Теперь по коду можно звонить в любые уголки России и всего света. Передовые сельчане обзавелись Интернетом.

В хозяйственном магазине, декорированном пластиковым сайдингом, устойчиво торгуют «тарелками» — спутниковыми антеннами — и всеми сопутствующими товарами. По паре десятков в неделю. Расходятся и по деревням, что удивительно.

Но апогей мантуровского потребительства — местный продмаг, преобразившийся в супермаркет. Весь товар, включая алкогольные напитки, в большом количестве и выборе. Как в Москве, не хуже. И притом в открытом доступе. Такого еще не знала мантуровская земля. Про водку не говорю. Ее обилие и разнообразие затаренности, можно сказать, святое дело. Но и красные вина появились: «Вам как: в бутылке или из бочки?» (Это о чилийском красном «мерлоте»!) Правда, стоит чуть дольше задержаться у полок с алкоголем, разглядывая этикетки, как за твоей спиной тихо возникает охранник с браслетами и дубинкой. На всякий случай.

В деликатесном магазине вам предложат что угодно, вплоть до пяти сортов кофе в зернах, набор различных сортов оливкового масла и проч. Про заморские тропические фрукты не говорю. Киви, манго и ананасами торгуют на уличных прилавках. Не в массовом порядке, но устойчиво.

Всяческой домашней и кухонной техники, строительных товаров — немислимое изобилие. Их повсюду столько, и притом лучших брендов, что, право, здесь отовариваться перспективнее, чем в Москве. И подспудно возникает вопрос: если бы все это не продавалось, то, наверно, и не предлагалось?

По субботам и воскресеньям в городе базарный день.

За одну ночь с пятницы на субботу площадь, в остальные дни недели абсолютно пустая, заполняется сотней полосатых палаток. Со всей Костромской области, да и из соседних областей, везут сюда челночный товар — продукты и мануфактуру. Но тщетно искать на этой ярмарке что-нибудь местное и оригинальное. Ассортимент скудный, точно такой же, как и на московских оптовых рынках. Великий новый стандарт.

Тихо сдвинулось с места и капстроительство.

Все примитивные лавчонки превратились в лубочные кирпичные магазинчики с игривыми названиями: «Лилия», «Аленка», «Камелия», «Орион», «Водолей», «Стопка». И все они в сайдинге, в сайдинге.

Местный предприниматель, поднявшийся на розничной торговле, построил 4-звездочную гостиницу. Дизайн — новодельный ампиризм XIX в. Неплохо сработано. Стекла непрозрачные, солнцезащитные, зеркальные. Сервис до приторности навязчивый, но, чувствуется, от души, а не по приказу. Все компьютеризировано: и рецепция, и ресторан. Правда, с локализацией интересная история получилась.

Гостиницу воздвигли не в центре города и даже не у станции, а в рухнувшей промзоне — среди заброшенных разъездных путей и тупиков, заколоченных товарных баз и складов. Поблизости громоздится гигант социалистической индустрии — некогда секретный завод «Биохим» (кажется, производил пироксилин и почему-то медицинские бинты к тому же), десятки лет травивший Унжу своими отходами, но с некоторых пор почивший в бозе, кажется, безвозвратно. Если пройти по его цехам, то шаги ваши гулко будут раздаваться в пустоте. Оборудование давно «распилено» и кануло в лету. Стены зияют оконными проемами. И без инженерного образования становится ясно, что эти цеха невосстановимы ни с какой точки зрения. А что с ними делать? На разборку нет средств.

Впрочем, на эзотеричный казус можно посмотреть и иначе. Для тех, кто интересуется эпосом хаоса и тотальной деструкции, а заодно любит «Сталкер» А. Тарковского, лучшей гостиницы не сыскать во всем мире. Просто гостиницу надо переименовать и назвать, как в фильме, «Зона». А заодно и устраивать экскурсии на территорию «Биохима». Это будет шедевр туризма.

Справедливости ради заметим, что в городе по-прежнему нет центральной канализации и водопровода. Но это чисто русские особенности, в сущности, мелочи по сравнению с пиршеством потребления. И до революции, между прочим, было точно так же. Мантуровские купцы прилично строились, но улицу и тротуар мостили исключительно перед своим домом и ни аршина в сторону. А потому повозки и пешеходы, покидая твердое покрытие, тут же проваливались в мантуровскую грязь. Да, с солидарностью и координацией у нас проблема. Не любить их — это наша русская антиидея, я бы сказал. Ну, вот революцию и заработали. Какую по счету?

В деревнях, конечно, все скромнее. Хотя и здесь драйв в сторону потребления заметен...

Кто мог, отсюда уехал. В Кострому ли, в Москву ли, а иногда и подальше. — «Евгенич, ты меня в Германию устроить можешь? У меня и паспорт заграничный выписан уже». — «Да откуда могу? У меня-то и связей таких нет. А фирмы московские по трудоустройству доверия не вызывают». — «Да ты постарайся. Я тебе благодарен буду. Завтра клюквы мешок принесу и грибов. А хочешь, рыбки свежей?» Но самое интересное, если не в Германию, то в Канаду рано или поздно он уезжает. Как? Верно, вода камень точит.

Кое-кто из молодых парней все же остался. Так, по инерции. Во все дни недели они ходят в камуфляжной форме. Дешевле ее ничего автолавка не привозит. И потому вся деревня выглядит словно расквартированный батальон. Молодцы, как правило, неженаты. Живут при матерях. От пенсии до пенсии. Материнской, естественно. Поэтому-то старушки — самый уважаемый контингент на селе. Их пенсии — основной источник дохода для всей семьи. А если дети по разным деревням разъехались, то бедную старушку разыгрывают в рулетку: в какой месяц к кому из детей поедет жить. Им и пенсия пойдет.

Часто гремят в зону. Сидят в колонии либо в Галиче, либо в самой Костроме. За что? За пьяный угон машины. За «мокрое» дело по пьянке. Но в основном за «чистку» московских дачников. Утащат старый телевизор или из холодильника свинтят мотор (целиком холодильник в окно не пролезает). Популярностью пользуются съестные запасы москвичей, оставленные на зиму до следующего сезона. Сами дома сильно не портят при этом. Не принято это.

Отсидка не считается здесь чем-то зазорным. Напротив, отдохнуть можно и подкормиться на регулярном питании. Это нередкий этап в жизни парня. Как служба в армии. Теперь семьи звонят им в зону по сотовым телефонам. И это приятно. Не даром всюду мачты «МТС» натканы. После возвращения сиделец «отдыхает» годик-другой, т. е. нигде не работает и ничего не делает. Потом по-разному, но чаще всего вновь в ненормативность и девиацию.

Но вот кто-то свистнет: «Есть шабашка в лесу!» И оставшаяся свободная молодежь сдвигается в тайгу на лесоповал. Знать, мантуровский «бизнесмен» (их и здесь так зовут) правдами и неправдами получил лицензию на вырубку участка.

Все лето пропадают на делянке. Домой приезжают только помыться в бане. Не пьют совершенно, а то ведь, не шуточное дело, под падающий кряж угодить можно. Осенью гордо сообщают: «А я аж сорок тыщ заколотил. А ты сколько, Евгенич, у себя заколачиваешь?» На заработанные деньги непременно по традиции недельку погуляют и обязательно новый телевизор купят. Притом большой. На этом деньги и заканчиваются.

Вечерами и ночами фонари по улицам не включают — экономия средств и смысла нет. Из окон пока еще обитаемых домов льется голубой свет экранов. Он и освещает дорогу. А дорога-то непростая. Это старый Екатерининский тракт. По нему декабристов в Сибирь гнали. И не только их.

А если с ночной улицы в дом войти, то под телевизором на разложенной софлежанке спит, откинувшись и не раздеваясь, хозяин. Спит, не снимая своей камуфляжки. По миазмам ясно: не чай здесь пили. Экран уже «снегом» пошел — канал вещание закончил. Через какое-то время телевизор и сам отключится. Отдохнет от

почти что круглосуточной работы. У него таймер есть, ведь техника-то современная. А в половине пятого утра, перед первой дойкой, его снова включают.

Экономическое мышление современных селян приобрело странноватый характер. С одной стороны, все они испили из чаши (подчас горькой) рыночных отношений, разрушивших патерналистский и родовой характер экономических зависимостей. Никто никому почти не помогает, каждый справляется со своими проблемами в одиночку. Люди прямо на глазах превращаются в индивидуалистические субъекты хозяйственной деятельности. Обменным эквивалентом все больше и больше становятся деньги, а не материальные предметы или же услуги. Хотя и этого еще хватает, особенно среди пенсионеров. (В сельповских магазинчиках, на сто процентов частных, по-прежнему под прилавком держат замусоленные тетради в коленкоровых обложках, куда записываются долги временно неплатежеспособных покупателей. Или долги москвичей, у которых не оказалось мелких купюр, а отпустить им товар пришлось.)

Деньги деньгами, но экономическая психология сельчан за этим не успевает. Она затормозилась где-то на предыдущем этапе. Истинной торговли и истинной выгоды своих действий в долговременной перспективе не видят, полагаясь на примитивный принцип «слупить, сколько можно, сейчас, а завтра будь что будет».

«Ребята, выкосите мне участок, а то совсем зарос. Просто глазам даже неприятно».

Приходят большой гурьбой (хотя и вдвоем можно было бы легко справиться). Работают вечером. От силы два часа. Расслабленно.

— «Сколько я вам должен?» — «Семьсот целковых отдай». — «Ребята, да вы что, с ума сошли? Тут же, считай, и делать-то было нечего. Загнул семьсот! Это ты столько за месяц не всегда получаешь в агрофирме. А работаешь там каждый день». — «Но нас же шестеро. Всем заработать по сотне нужно. И на закуску тоже». — «Так я же не просил вас шестером приходить. И вдвоем бы управились». — «Ребятам тоже заработать надо. Так что ты лучше заплати. Я вот когда под Москвой в коттедже калымил, столько и платили». — «Но так ведь это под Москвой, там на все другие цены». — «Другие не другие, а ты лучше заплати».

Ключевое слово здесь «лучше». Действительно, лучше заплатить. Из опыта известно. Пускаться в деловую риторику не хотят. Никакие аргументы не действуют.

Продолжение диалога, между тем, следует. «Я, конечно, заплачу. Но сами смотрите. Больше я вас не приглашу. У меня таких денег нет, чтобы каждый раз столько платить. А ведь работа на участке и в доме еще есть. Сами знаете». «А нам без разницы. Ты сейчас давай. А что потом, дело хозяйское».

Вот и весь разговор. Своим нахрапом постоянно подрубают свои собственные рынки. Притом не только мелких подработок, но рынки посерьезнее. Это местная структура мышления, инвариантная всем видам локального бизнеса.

В другой раз приносят ведро клюквы. Без предварительной договоренности. Явочным порядком.

— «Да мне не нужна клюква. Уже есть достаточно». — «Так я же из лесу тебе принес». — «Но я-то причем тут. Я же не просил». — «А что мне теперь с ней делать?» — «Ладно, так и быть, возьму. Сколько за нее хочешь?» — «Пятьсот. Как все». — «Да ты что! Это же цена на трассе. Для дальнобойщиков». — «А мне какая разница». — «Но на трассе ведь целый день под дождем стоять надо. Да и шоферня увезти все ведро может

без оплаты. Сам знаешь». — «Ну, я и постоять могу. Мне что. Времени хватает. Ты уж лучше купи как прошу».

Навязывание неоговоренных товаров и услуг — еще один прием местного маркетинга.

...Слышно близкое тарахтение мотоцикла. Двигатель глушится у моих дверей. Настойчивый стук. На пороге появляется местный житель из соседней деревни. При этом молодой.

«Возьми теленка. Я привез. После обеда заколол». — «Да мне телятина не нужна. В холодильнике места нет. Мы же не договаривались». — «А на что я дочке к первому сентября буду все покупать?»

И смех и грех. Скорее все же грех. Общий наш грех.

Порой трудно решить, что это: признаки экономической заторможенности, считай, отсталости, либо нечто совсем иное — особая крестьянская прозорливость, сметка, неведомая городским. И так и так можно рассудить.

Местных жителей теперь ничем не удивить. Ни техникой, ни электроникой. Они все видели либо в природе, либо по телевизору. Это своего рода виртуальное потребление. Но все же потребление.

Постепенно в деревнях обозначает себя и другая категория жителей — «дачники». Это общее и многогранное понятие для подчас самых разных людей. Но общий факт один и тот же: мигранты из Москвы и Петербурга, накупившие местные дома и переселяющиеся сюда на лето. Трудно сказать, как к ним относятся. И так и эдак. С одной стороны, они дома и приусадебные участки купили по всей форме. Обосновались. Значит, вроде местные, свои. С другой стороны, ясно, что дома эти для них забава, игрушка. А это для местных очень обидно.

Дачники делятся на несколько подкатегорий.

В самом низу иерархии находятся «беззаботные». Это бесшабашные группы столичных жителей, приезжающих сюда навалом, когда бог на душу положит. Дома свои они как следует не содержат. Гвоздя не забьют. Целыми днями сидят на кухне и треплют языком. А потом вдруг, неожиданно снявшись, гурьбой идут за малиной, или по ягоды, или купаться на многокилометровые песчаные пляжи на Унже. У «беззаботных» всегда весело. По утрам местные носят им молоко и свежую картошку. Вечерами дачники палат костры на реке и под гитару жарят «шашлыки» (именно так и говорят: «шашлыки» во множественном числе). А то вдруг без всякой подготовки снимутся и разом на своих «жигулях» и дешевых иномарках обратно в Москву отправятся. До следующего года. Избы их иногда горят. По тем или иным причинам. Скажем, захочется им накалить русскую печь, так они ее как паровозную топку закидают кругляками. Сажа-то в нечищенной трубе и займется. Но это мало кого заботит. Другую избу можно купить. Не проблема. Их тут море. Лишь бы пламя не перекинулось на деревенские дома. Тогда настоящая беда. Ведь любой дом за 20–25 минут выгорает дотла. Даже если пожарка приедет вовремя, что она может сделать? Из колодца до дна за секунду воду засосет, а где потом воды взять?

Над «беззаботными» поднимается надстройка «трудовых бедных». Это тоже столичные жители и собственники местных домов. Но приезжают они сюда не для веселья, а для разумного отдыха и пополнения запасов продовольствия. В городе это чистой воды бюджетники — участковые врачи, школьные учителя, инженерная каста. Пережить лето в городе и хоть немного отдохнуть они не могут по финансовым соображениям. Вот и тянутся в деревню. У них все по науке. Дома подправлены и

обустроены. Огород родит, как на приснопамятной выставке ВСХВ. Запасы делаются тоннами. За каждый рубль продукции, приходящей из деревни, торгуются и знают все цены в округе. Местные таких недолюбливают. Лидерство в ведении хозяйства деревенские признают только за собой. «А тут еще эти городские. Знаем мы их!»

Несколько в стороне стоят «постоянные». Это столичные жители, прочно осевшие в деревне и живущие на средства, получаемые от сдачи московских квартир. Иногда они даже прописываются в сельсовете, детей посылают в местную школу, обзаводятся скотиной и трактором. Таких местные не любят в первую голову. «Свои доллары стригут ни за что, а мы тут вкалываем». Такая вот интерпретационная парадигма.

И наконец, над всеми дачниками возвышается категория «богатых».

Вообще говоря, эта группа весьма неоднородная. Например, в нее входят истинно богатые, т. е. по московским меркам *полу-* и *недо*олигархи и представители крупного капитала. Но и богатые «победнее» тоже имеются. После достижения полной пресыщенности на всей поверхности земного шара их потянуло на соленый огурец и кислую капусту, фигурально выражаясь. Лучшего края, чем Мантуровщина, для людей с таким синдромом не отыскать.

Купят пару или более того соседних домов, поднимут их, начнут «*фан-фармерство*» (от англ. fan farming, т. е. ведение убыточного хозяйства удовольствия ради). Завезут лошадей, коров, овец, технику, наймут народ. (С работниками, между тем, самые сложные проблемы возникают. Хоть и за хорошие деньги, но никто уже работать не может. Навыки ушли. Можно сказать, безвозвратно. Поэтому работников, как правило, завозят извне.)

Из Москвы приезжают либо на «тойотах лендкрузерах», либо на военных вертолетах, которые их прямо за околицей и высаживают — с домочадцами вперемешку с ротвейлерами. Здесь уж, конечно, гонки на водных мотоциклах на реке, фестивали воздушных змеев и все в том же духе. В переоборудованных (но не перестроенных) домах полно техники: посудомоечные машины, микроволновые печи, хлебопечки «хитачи». Но русские печи и самовары оставляют. Для колорита. Что касается самоваров, то без их внушительной коллекции ни один богатый московский дом немыслим. Начищенные, отреставрированные в Москве, они смотрятся как музейные экземпляры. Музейные-то музейные, но дело свое знают, воду кипятят по настоящему.

Что касается бань, то это сакральное. Новая русская религия. В любой позиции, в любой ситуации баня — фокус притяжения и центр мироздания. Плещутся там, обливаются крутой от холода колодезной водой, парятся.

Сеновалы, очищенные от сеной трухи, вымывают дочиста и превращают в настоящие кинотеатры. С большими экранами, мультимедийными проекторами и круговым звуковым усилением. Там же и семейные концерты устраивают. С живым звуком, электроорганом и массой веселья. Местных зрителей приглашают, не гнушаются.

Эта странная, в чем-то сюрреалистическая картина бедности и богатства, жизни и смерти, великого и мизерабельного оттеняет ростки нового уклада, появляющиеся то здесь, то там.

Многие местные начальники и просто деловые люди сообразили, что к крупномасштабному сельскому производству в этих краях пути обратно уже не будет. Не будет тысячных стадов, распаханых до горизонта полей, молокозаводов-гигантов. Ни при каких обстоятельствах. Дело в том, что местная продукция, как ее ни производи,

очень дорогая. То же самое на юге России продают в три раза дешевле. При общенародной плановой экономике на это не обращали внимания. А теперь обращают. По необходимости. На публике по идеологическим соображениям об этом еще открыто не говорят, дабы не возбуждать народ, но в частных беседах очень часто.

А что будет? Скорее всего, новая экономика здесь будет носить «очаговый» характер. И возникать она будет совсем по другим основаниям — вокруг доходоприносящих «фокальных» центров. Например, сельского туризма.

Те же самые сельские избы, уже опустевшие, но еще не распавшиеся, превращают в пейзажные гостиницы со всеми удобствами для любителей русского колорита, завораживающих ладшафтов, свежего воздуха и здоровой органической пищи. Набор услуг бывает самый разный: от минимального до почти что городского. Но тут вторгаются в эту «одну счастливую деревню» внутренние проблемы, а именно местная психология. И владельцы бизнеса, и обслуживающий персонал на все смотрят сквозь призму быстрого обогащения. Побыстрее бы «слупить» с туриста как можно больше — вот главная задача. Добавляется к этому и глубинная нелюбовь к сервису как таковому. «Подумаешь, городской. Знаем мы их. Чего на них горбатиться». Обслуживание вообще считается среди местных чем-то постыдным. Поэтому и получается, что сельский туризм в основном вовлекает специалистов привозных, а местные все еще борются с демонами в своей душе. Надолго ли их еще хватит? Не демонов, а жителей.

Даже такое дело, как охота, постепенно становится точкой не только браконьерского, но теперь уже и делового притяжения. Небольшие охотхозяйства переходят на коммерческий формат. Они четко блюдут численность животных в своих квадратах (иначе на кого же охотиться?) и пуще всякой государственной егерской службы, впрочем, практически несуществующей, по законам тайги изводят браконьеров, своих злейших врагов и конкурентов.

Ко всему этому добавляется ягодный и грибной промысел, поставленный на коммерческую основу. Травный сбор. Чистая органическая сельхозпродукция — безумно дорогая, но, тем не менее, весьма востребованная.

Вокруг всех этих очагов новой экономики заново возникает и сельское хозяйство, но в объемах, строго продиктованных нуждами сервисного бизнеса. Не больше и не меньше. Для сторонников старых экономических форматов все это может показаться сущей мелочевкой, о которой-то и говорить неприлично. Но это не так. По мелочам собранная и выстроенная сервисная экономика, быть может, единственный выход из положения, да и в совокупности она, по расчетам специалистов, может давать не меньше доходов, чем «большое» сельское хозяйство, которого уже и нет. Да и потом, есть ли альтернатива «очагам»? Только дальнейший путь на дно. А так еще и побороться можно.

Исследовательская группа. Основная гипотеза

Итак, гипотеза исследования состоит в том, что *(а) возврата к индустриальному и экстенсивно растущему сельскому хозяйству в его традиционных формах не произойдет, (б) возникают новые форматы экономики и социальной структуры; в рамках предлагаемого исследования они получили наименование «очаговых».*

В нашем понимании «очаговая» экономика и социальная структура исходят не из тотального покрытия территорий и поддержания поселений любой ценой, а из

возникающих центров (очагов) экономически выгодной деятельности, которая «точечно» (фокально) воссоздает социальную структуру, обновляет, казалось бы, безвозвратно деградирующее население и порождает новые поселения.

Очаговая экономика и социальная структура не стремятся к тотальному освоению или поддержанию окультуренных территорий. Напротив, территориальное освоение происходит ровно настолько, насколько это экономически рационально. В этом смысле «очаговый» означает реально растущий, рациональный, ограниченный потребностями экономической деятельности, мобилизующий трудовые ресурсы соответствующей квалификации.

Так, в отдаленных районах Костромской области (полностью дотационных и дающих пример последствий экономического кризиса Севера) масштабное сельское хозяйство фактически себя исчерпало. Заросшие поля и сельские дороги, разрушенные фермы стали характерными признаками «поля после битвы» с природой. Ресурсов для поддержания инфраструктуры остается все меньше. Одновременно с этим к исчерпанию приходит и такой традиционный ресурс, как деловая древесина. Спелых лесов в этих районах остается все меньше.

Местная специфика. Церковь

На въезде в Угоры – большое село в Мантуровском районе – стоит церковь Воскресения. Это самое начало XIX в. Церковь во всех отношениях удивительная. Большая, двухсветная, с огромной колокольней. Это почти что целый собор. Когда-то она была выстроена на самой обочине Старо-Вятского тракта, той самой знаменитой Владимирки, по которой гнали кандалников в Сибирь. Во многих местах здесь еще остались участки дороги, вымощенной камнями, вокруг которой, как вокруг оси, вращалась российская история позапрошлого века.

В церкви венчались Наталья Дмитриевна Апухтина и Михаил Николаевич Фонвизин. Здесь же, на относительно небольшом расстоянии, на высоком берегу Унжи была их усадьба «Отрада». Фонвизин – известнейший генерал, герой войны 1812 г., участник Северного общества декабристов, в котором занимал самый высокий военный пост. Апухтина, по общему мнению всех пушкинистов, – наиглавнейший прообраз Татьяны Лариной из «Евгения Онегина». После восстания генерал был арестован под Москвой и отправлен по этапу в Красноярск, по иронии судьбы точно мимо церкви Воскресения и своей усадьбы, что стояли на Владимирке. Наталья Дмитриевна вскоре начала движение жен декабристов и сама отправилась в Сибирь, где прожила многие годы рядом с мужем. После его смерти она вышла замуж за Ивана Пущина. Сохранилась ее сибирская переписка с Достоевским.

Церковь закрыли в «30-е роковые». Но еще несколько десятилетий она стояла нетронутой. В годы последней войны в ней разместили эвакуированных из блокадного Ленинграда детей. В начале 60-х церковь по случаю сожгли приехавшие «на картошку» горожане, баловавшиеся костром на алтаре. Так и стояли десятилетиями обезображенные стены без крыши и с вырванными решетками и полуразвалившаяся колокольня. Иногда жители Угор вдруг возбуждались и устраивали субботник. Расчищали мусор вокруг стен, убирались постольку поскольку внутри. Порой даже в приливе энтузиазма завозили пиломатериалы с отдаленной мыслью что-то сделать с церковью, ведь получается как-то нехорошо. Кругом идет возрождение православия, а тут такое непотребство на глазах у всего честного народа. Но за первым субботником

не следовали другие. А через неделю-другую темными ночами сами же местные аккуратно разворовывали пиломатериалы, собранные на коллективные подношения. Вскоре все вокруг храма зарастало метровыми сорняками и кустарниками. Такой вот круговорот энергии в природе.

Пару лет назад церковь Воскресения стали восстанавливать по-настоящему. Озаботился этим в первую очередь глава районной администрации А.Н. Громов. Тут и финансирование пошло, и проект составили. Вот только с рабочими осечка вначале вышла. Ни одна местная бригада во всем районе, оказывается, не могла взяться за подряд. Задача сложная, нестандартная (не баню рубить!), мастеров уже давно нет, да и желания тоже. Ведь работать надо! И руками и головой. А не жаловаться до бесконечности, как было хорошо при колхозном строе. Не то что теперь...

Тогда каким-то образом пригласили бригаду из Ферганы. Не задорого. Оформили регистрацию и дали отмашку. Трудитесь, братья по СНГ. Потом сочтемся. Поселили их в ближайшей избе.

С подозрением местная досужая публика смотрела на то, что получится. Приглядывалась не без опаски. И действительно, работы были «не наши». Днем устраивали намаз прямо в храме. Тем не менее дело буквально горело в их руках. Такое впечатление, что просто родились строителями. За один сезон церковь восстановили, и засверкала она новой крышей, окнами и свежей штукатуркой. Вокруг стен, как последний аккорд, положили асфальтовую отмостку — предел местного строительного шика. Никто такого не ожидал. С одной стороны, «понаехали тут всякие», с другой, все сдали так, что и предположить было трудно. Молва говорит, расплатились с бригадой как-то нехорошо, о чем местные сожалеют, — все-таки какие-никакие, но люди, и сработали исправно. Так что угрызения совести стали проявляться. И это отрадно. Раньше такого не наблюдалось.

Так и стоит теперь гордая церковь Воскресения. Сверкает цинковой крышей. Особенно в пасмурные дни. Прямо глаза слепит.

Многофункциональность сельской экономики XXI в.⁵

Для выживания многим северным районам России необходимо многофункциональное развитие хозяйства, отход от моноаграрной специализации не только предприятий, но и индивидуальных хозяйств. Понятие многофункциональности хозяйства связано с тем, что аграрный сектор следует рассматривать не только с позиции производства продукции растениеводства и животноводства, но и более широко, учитывая социальные и экологические аспекты. Многофункциональность предусматривает диверсификацию деятельности, широкое развитие ее несельскохозяйственных видов, включая различные виды несельскохозяйственного бизнеса. Такое развитие несельскохозяйственной деятельности является важным источником поддержания устойчивости развития сельской местности, занятости и доходов сельского населения, значение которой было существенным всегда в силу сезонности аграрного труда и невозможности обеспечить интенсивную круглогодичную занятость работников в сельскохозяйственном производстве. В будущем роль несельскохозяйственной деятельности еще более возрастет по мере сокращения удельного веса сельхозпроизводства в местной экономике.

⁵ В разделе использованы материалы профессора С.Н. Бобылева.

Для Костромской области к основным направлениям развития несельскохозяйственной деятельности, зародыши которых уже существуют, можно отнести: сельский и экологический туризм; заготовку и переработку дикорастущих плодов и ягод, лекарственных растений и другого природного сырья; устойчивые (с учетом сохранения биоразнообразия) охоту и рыболовство и обеспечение связанных с ними услуг; бытовое и социально-культурное обслуживание местного и сезонного («маятникового») городского населения; точечную заготовку древесины и специализированную деревообработку, производство строительных материалов и строительство; хранение, переработку и сбыт экологически чистой сельскохозяйственной продукции (прежде всего, для обеспечения регионального спроса); сельскую торговлю и проч.

Одной из важных целей проекта является оценка потенциала устойчивости Костромской области (и прежде всего, Мантуровского района) в условиях глобализационной трансформации российского Севера. Здесь важно оценить три вида факторов развития (или, говоря экономическим языком, — три вида капитала): *человеческий, физический, природный*. Если первые два вида капитала и их вклад в общую устойчивость достаточно хорошо изучены в теории и на практике, то системный анализ природного капитала в стране практически не проводится.

Данная проблема, впрочем, характерна и для большинства зарубежных исследований. Это во многом связано с недооценкой экономической теорией природного капитала как в мире, так и в стране. Обычно рассматривается только одна функция природного капитала — ресурсообеспечивающая (земля, вода, лес и т. д.). Такой подход существенно занижает оценку природного потенциала региона. Как показывают последние исследования в этой области в мире, важно оценивать, по крайней мере, еще три функции: 1) экологические (экосистемные) услуги по поддержанию экологической устойчивости; 2) «духовные» услуги природы (эстетические, культурные, исторические, этические и другие аспекты); 3) обеспечение здоровья человека.

Местная специфика. Графский колодец

Парадокс и только. Здесь, в Унженском крае, где кругом реки, ручьи и озера, хорошая питьевая вода — проблема! Во-первых, из открытых водоемов брать воду для готовки как-то не принято. Во-вторых, роют колодцы плохо. Глубже 4–5 метров не проходят. По весне вся паводковая дрянь льется прямо в колодец, отчего он весь оставшийся сезон дает буро-коричневую воду, почти что коньячного цвета. Москвичи ее фильтруют как могут. Но удовольствия от этого мало. Местные обходятся без фильтров.

Сооружение колодца — это целая традиция и эпопея. Сначала землекопы ходят вокруг дома с какими-то усиками из алюминиевой проволоки и прилюдно соображают, где рыть, где «вода есть». По моим понятиям, шаманство, но так тут принято.

Потом начинают рыть. Обычно человека три. Заранее договариваются с хозяином, из чего колодец делать. Можно по старинке сруб рубить. Но могут обмануть, и вместо осины нарубить сруб из сосны. Тогда колодезная вода такой запах будет давать, что не дай боже. За всем уследить надо. Но в последнее время и в это дело шагнул прогресс. Мужики изготавливают здоровенные цилиндрические формы из листового проката, свинчивают их и вкапывают по месту. Эту опалубку заливают бетоном с проволочной арматурой. Кольцо застывает. Они его вновь подкапывают. Кольцо скользит вниз. На него промоздят следующее. И так далее и так далее.

Как глубоко копать? Это вопрос вопросов. Эпопею по науке начинают в конце февраля — начале марта. Земля уже подтаивает под снегом, а грунтовые воды еще не подступили к поверхности. Лучшее время для работы. Казалось бы, все предусмотрено и все сделано. Но тут подстерегает одна напасть. В этих краях все время встречаются плывуны. Это слои мельчайшего, почти пылевого песка, который проникает во все щели колодезного сруба и губит воду. Такой водой, мутной и несвежей, даже машину вымыть не получается, не то что пить. Стоит землекопам наткнуться на плывун, рабочие становятся мрачными, неразговорчивыми, пытаются побыстрее расчитаться с хозяином, мол, на следующий год все закончим. Исходя из опыта, лучше такой неудавшийся проект закапывать сразу и рыть новый колодец. Жалко, конечно, просаженных денег и времени, но выхода нет.

В округе только один чистейший колодец, «графский». Почему графский? Наверное, потому, что он вырыт на границе усадьбы Апухтиных — Фонвизиных и деревни Давыдово. Не были они графского звания, но не в этом суть. Графский, так графский. Короче, хороший.

Отрыт колодец у дома Юлии, пожилой крестьянки. Зрение у нее плохое. И потому смотрит она на мир сквозь мощные очки, почти что телескопы. К ней вся деревня ходит за водой. И москвичи-дачники тоже. На машинах привозят капроновые бочки и заливают их водой. В дом из глубин колодца идет шланг с насосом. Но его Юля не дает. Для сохранности. «И тока лишнего тоже нет». Предлагает использовать здоровенную жердь с прикрепленным ведром на конце. Вначале эта жердь вырывается из рук и постоянно опрокидывает полное ведро. Но потом привыкаешь.

Чтобы залить все емкости водой из «графского» колодца, потребуется минут сорок. И немало усилий тоже. Тут выйдет на улицу и сядет на крыльцо Юля. Посмотрит на работу, поговорит о том, о сем. Чаще всего о болезнях. О светлых колхозных днях. О плохой современной жизни. Как-то из-за спины Юли выскочил совсем подростковый парнишка. И сходу: «Дайте я вам помогу. Все сам сделаю. Только вот нам вдвоем надо будет отнести фляги в багажник. Мне одному неуподьем». Выясняется, из Москвы, внучок далекий. Дело сделал быстро, весело, с настроением. Даже удивительно. Смущенно комкает в ладони пятидесятку: «Да не надо. Я просто так». Это уже не по-московски. Ему бы тут малый бизнес наладить. Приторговывать «графской» водой и услугами. А он «неудобно»...

Через неделю неспешная, почти недвижимая жизнь Давыдово на полдня возбудилась. Ночью Юлина изба дотла сгорела. Сама хозяйка была в больнице в Костроме, а племянники-внуки, верно, забыли электроплитку выключить. Такая вот версия. Горящую избу лениво тушили водой из «графского» колодца. Забили его головешками и обломками каких-то досок. Но в целом дело безнадежное. Любая изба выгорает за 15—20 минут. Тут уж ничем не поможешь.

Поутру соседи слегка помарадерствовали на пепелище. Это святое. Так все делается. Через пару месяцев разобрали по домам кирпич от развалившейся печи. Печная чугунина исчезла, разумеется, раньше.

Юля так и не приехала из Костромы. Говорят, ее перевезли к родственникам в Москву. Говорят, ее уже и нет, и что другая дочка из Мантурово даже на похороны не приезжала. Деревня все знает.

Колодец остался. И даже жердь с худым ведром прислонена к остаткам забора. Но вода стала непригодной. Замусорена до предела. Никто воду не берет. А если циркуляции нет, то и пользы в колодце — ноль.

В перспективе будущего

Очевидно, что потенциал Костромской области и Мантуровского района, а также всего российского Севера по обеспечению всех четырех функций огромен. Учитывая усиливающийся интерес горожан к такого рода районам, можно с известной долей условности сказать, что в достаточно близкой перспективе Мантуровский и соседние районы Костромской области превратятся в периферию Московского и Петербургского мегаполисов. Для экономической оценки этих функций можно использовать различный экономический инструментарий. В частности, перспективен подход «готовность платить», тесно связанный с социологическими исследованиями. По экспертным оценкам, в Угорском сельском административном округе Мантуровского района Костромской области сезонная «маятниковая» миграция составляет 30–50% от численности населения округа. Эти приезжие ежегодно тратят сотни тысяч рублей (покупка, строительство и поддержание домов, покупка продовольствия и товаров, транспортные расходы) для удовлетворения своих потребностей в рекреационных и «духовных» услугах природы, поддержания здоровья и проч. То есть сохранение природы и ее «несельскохозяйственные» функции имеют реальную и очень высокую экономическую оценку.

Таким образом, глобализационные процессы вызывают к жизни достаточно неожиданные и экономически нетрадиционные формы экономики и социальной структуры. Речь идет о том, что ресурсы дикой природы, ландшафта и экологической качественной среды в ближайшей и особенно отдаленной перспективе оказываются более выгодными экономически и, следовательно, социально, чем традиционное сельское хозяйство и лесодобыча. Экологический туризм, рекреационная охота и рыболовство, санаторное обслуживание, фокальное экологически чистое сельскохозяйственное производство и аналогичные формы деятельности оказываются чрезвычайно востребованными и экономически выгодными «очагами» новой экономики. В свою очередь они формируют и социальную структуру, включая трудовые ресурсы, поселения, транспорт, культуру и т. д. Подобная *очаговая экономика* и социальная структура опираются на систематическую и, что особенно важно, саморегулирующуюся природоохранную деятельность (ибо она становится крайне экономически насущной и выгодной), привлечение высокообразованных кадров, воссоздание сельского хозяйства, ориентирующегося на потребности очаговой экономики, а не отдаленные рынки сбыта.

Исследование «клеточной глобализации» сельских поселений этого региона (см. исследования 2002–2005 гг. по гранту РФФИ) показало, что проявление, «проступание» глобализации в отдаленных регионах Севера уже имеет место, притом во все усиливающемся темпе.

Глобализация и Север России⁶

Процесс глобализации охватывает все новые уровни и страты социальной структуры российского общества. Несмотря на неравномерный и противоречивый характер этого процесса, он обладает чертами устойчивости и безальтернативности с точки зрения генеральной тенденции развития.

⁶ В написании раздела использованы материалы профессора В.Г. Виноградского.

Одним из проявлений общей тенденции становится «клеточная глобализация». Она заключается в макроизменениях повседневных практик, обычаев, привычек даже в тех сообществах, которые традиционно считаются периферийными по отношению к магистральным путям глобализации. Речь идет о сельских сообществах Севера России.

Новая система рационализации. *Эффективность, прежде всего экономическая.* Наблюдения показывают, что в последнее время превалирует именно экономическая компонента в повседневной жизни. Соображения простого дохода заставляют людей овладевать новыми профессиями, уходить на сезонные работы или, напротив, бросить официальное рабочее место ради максимизации прибыли от личного подсобного хозяйства или промысловой деятельности. *Просчитываемость и предсказуемость.* Данные индикаторы глобализации особенно заметны сегодня в рамках тех сельских микросоциумов, которые обретают в деревне временное (сезонное) пристанище. Это, прежде всего, городские жители, живущие в Москве, Петербурге и других «миллионниках» и выезжающие в село для решительной экономии ресурсов. Прежде всего, финансовых. Эти люди в рамках простых количественных моделей умеют считать и просчитывать бюджет семьи, микробизнеса (заготовка продуктов на зиму, например; «что сколько стоит и как это соотносится с моими интересами»; «ожидаемость» (просчитывание будущей перспективы чего бы ни было)).

Всеохватность и комплексность изменений. Ни одна из социальных практик сельской повседневности не осталась неизменной за последние 15–18 лет. Однако эти изменения имеют различную напряженность в зависимости от их локализации. Наиболее заметно изменилась сфера приложения труда и радикально поменялась организация оставшейся производственной деятельности. Практики ведения семейного хозяйства изменились в сторону повышения их товарности, а также обеспечения элементарного физического выживания.

Всеобщая изменчивость и пластичность повседневных практик. Сельские старики убеждены в скором вымирании деревни. Они считают себя последним «законным» поколением, умеющим жить в деревенской среде. Этот пессимизм не разделяется приезжими из городов людьми. «Всегда найдутся люди, которые любят и хотят жить в деревне...». Мотивировки в данном случае скорее эмоциональные и культурные. Но когда дело касается конкретных практик, начинает возобладать эффективность, просчитываемость и предсказуемость.

Изменение восприятия географического пространства. Не раз в разговорах с респондентами фигурировала мысль о том, что транспортная доступность в 500–600 километров является не затрудняющим, а, наоборот, облегчающим практики миграций фактором («Ужинаем накануне в Москве, потом ночной поезд и — завтракаем в родной избе в Хлябишино...»). Таким образом, наблюдается такая важная характеристика клеточной глобализации, как подчеркнутая географическая мобильность, готовность «сдвигаться» в пространстве, иммиграционная нацеленность.

Изменение в организации и восприятии социального пространства. Субъектам становятся неинтересными (иначе говоря, бесполезными, неэффективными) вертикальные этажи стратификации. Люди дислоцируются всецело на своем социальном горизонте. Налаживаются равноправно и равномерно нагруженные плоские сети межсемейной поддержки. В рамках и пространстве этих сетей уравниваются права и достоинства, профессиональные и экономические позиции членов данных сетей.

Множественность культурных феноменов. Принцип и индикатор клеточной глобализации, содержание которого — «каждый может быть любим», и связанное с этим произвольное формирование культурных гибридов из составных частей обнаруживается в сельской социальной среде с большим трудом. Сведения о подобном проявлении и феноменах приходится буквально «выколачивать» из респондентов. Можно сказать, что такого рода формула поведения скорее импортируется в набор внешних форм — приверженность к нетрадиционным товарам (одежда, обувь), культурным атомам (музыка, кассеты с фильмами и клипами). Таким образом, говорить о выраженной нравственной и культурной анархии, о броуновском движении культурных фрагментов можно, но лишь применительно к молодежи, приезжающей к родителям, бабушкам на каникулы, а также применительно к детям городских дачников. Однако последних заметно ограничивают в демонстрации подобного рода культурных феноменов.

Новые шкалы престижей в потреблении только еще начинают вырисовываться. Прежде всего, в появлении в сельской среде технологических новинок в сфере быта (разнообразная домашняя техника и технологии), мелкого производства (новые инструменты и силовые агрегаты, химические препараты и проч.).

Примордиальные феномены и гражданское общество. Рост интереса к этничности и подчеркнутая самоидентификация («кто я», «откуда» и т. д.) наблюдаются в практиках современных сельских жителей в охотном поддержании тем, связанных с коренными принципами досоветского крестьянского жизнеустройства. Эти чувства и интересы систематически подогреваются интересом горожан к продуктам и артефактам сельской жизни (старинные прялки, колокольцы, половики, деревянные изделия, этническая посуда). И если раньше деревня активно экспортировала эти предметы, то теперь, судя по некоторым высказываниям и действиям, начинает «придерживать» это в своем обиходе. Цель, видимо, двоякая — дожидаться роста цены и сберечь для своих. Как знак крестьянского рода и сельского жизненного локуса.

Полагание на свои силы. Весьма важный индикатор «клеточной глобализации» — self-reliance — полагание на свои силы («никто не поможет мне, если не я сам») в социальных практиках глубинной российской деревни имеет место систематически. Необходимо только учитывать, что такого рода индикатор не есть результат сознательно выбранной стратегии, а вынужденная необходимость. Полагание на собственные силы имело место даже в пору расцвета колхозной жизни, поскольку коллективное хозяйство могло предоставить своему члену лишь энергоагрегаты (трактор, лошадь) и колеса (тележку, автомобиль). Все остальное лежало на плечах субъекта (накосить, нарубить, заготовить). В настоящее время услуги предоставляются частниками — в обмен на «твердые» деньги. Самогон как жидкая валюта повсеместно вытесняется из расчетных транзакций, которые приобретают денежную форму. Но это же обстоятельство сплачивает людей в том смысле, что субъекты, полагаясь на себя, рассчитывают на сети поддержки, в которых всегда возможны уступки, авансы и отложенные платежи.

Принцип «имею право быть таким, каким хочу» можно пронаблюдать лишь в его внешних, культурно-демонстрационных формах. Это, кроме всего прочего, выражается и в том, что «чужака», нового человека принимают, если он не педалирует собственные отличия. То есть ты можешь делать то, что хочешь, и быть своеобразным, если в твоих практиках фигурирует понятный и разгадываемый смысл.

Замедленная кристаллизация институтов гражданского общества. Что касается такого индикатора, как рост институтов гражданского общества (обсуждение, свободное обсуждение вопросов общего интереса, создание групп по представлению интересов населения, наличие свободных неформальных лидеров), то это происходит весьма спорадически и, как правило, среди своих, неформально близких людей (соседей, родных и т. п.).

Городские жители («дачники»), обосновывающиеся в сельской местности. Появление в селе новых людей — важнейший индикатор клеточной глобализации. Эта проблема была освещена выше. Однако необходима дальнейшая работа, направленная на уточнение типологии городских сезонных мигрантов, а также на более полное понимание их мотивов. Особого внимания заслуживают следующие проблемы — сугубо потребительское отношение к своей сельской собственности, вложение/не вложение средств в сельскую собственность, возникновение деловых отношений с местным населением, установление взаимовыгодных социальных союзов.

Перспективы выхода сельских сообществ из порочного круга угасающего развития в условиях глобализации прежде всего связаны с переориентацией и перепрофилированием деятельности местных хозяйств. Попытки реанимировать (путем прямых инвестиций) производство традиционной и типовой товарной сельхозпродукции при ее чрезвычайно высокой себестоимости и неустойчивости по параметрам качества в условиях открытых рынков и нарастания конкуренции (в частности, при вступлении России в ВТО) практически бесперспективны. Сельские сообщества на Севере России нуждаются в переориентации и реализации новых моделей хозяйственной деятельности. Например, в раскрытии рекреационных и других экономических перспектив района. В противном случае сообществам реально грозит достаточно быстрое демографическое вымирание на фоне все более жестокого усугубления социальных проблем.

Литература

- Нефедова Т.Г. Каргопольский район: прошлое, настоящее и будущее Русского Севера // Отечественные записки. Миграции — угроза или благо? М., 2004.
- Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003.
- Нефедова Т.Г. Пространственная организация сельского хозяйства России // Известия РАН. 2003. № 5.
- Нефедова Т., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или зачем нужна корова? М.: Новое издательство, 2006.
- Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005.
- Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Искусство суггестивного воздействия // Российская наука: дорога жизни. М.: РФФИ, 2002.
- Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Цвет и эмоции // Вестник МГУ. Сер. «Психология». 1988. № 3.
- Покровский Н.Е. Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М.: Флинта, 2005.
- Покровский Н.Е. Город и село в современной России: перспектива структурного воссоединения // Современный российский Север. От клеточной глобализации к очаговой социальной структуре. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2005.

- Покровский Н.Е.* Исследования сельских сообществ в настоящем и будущем // Современный российский Север. От клеточной глобализации к очаговой социальной структуре. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2005.
- Покровский Н.Е.* Мир потребления в городе и деревне. Социологический очерк // Современный российский Север. От клеточной глобализации к очаговой социальной структуре. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2005.
- Покровский Н.Е.* Тенденции клеточной глобализации в сельских сообществах современной России: теоретические и прикладные аспекты // Современный российский Север. От клеточной глобализации к очаговой социальной структуре. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2005.
- Российский северный вектор / Под ред. Н.Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2006.
- Современный российский Север. От клеточной глобализации к очаговой социальной структуре / Под. ред. Н.Е. Покровского. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2005.